

Александра **МИРОНОВА**

В гармонии с собой, в гармонии с миром



**Я оставлю свет
включенным**

Повезет обязательно!

Александра Миронова

Я оставляю свет включенным

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронова А. В.

Я оставлю свет включенным / А. В. Миронова — «Эксмо»,
2018 — (Повезет обязательно!)

ISBN 978-5-04-097908-0

Выдавая себя за погибшую сестру, Глафира с четырьмя племянниками скрывается в деревне, где беглецов вряд ли смогут найти. Ей удастся создать идеальную семью и дом, полный любви и гармонии. Но тайны прошлого и завистники могут разрушить всё. А тут ещё двое мужчин добиваются любви девушки, и выбрать между ними будет непросто.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097908-0

© Миронова А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Александра Васильевна Миронова

Я оставляю свет включенным

© Миронова А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

*С глубоким уважением к Таше Тудор и верой в скорые путешествия
во времени*

* * *

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло.

Строчка из давно позабытой детской песни все ускорялась. Напоминала карусель, внезапно сошедшую с ума и набирающую обороты. «Гори-гори ясно...»

Словно в такт нехитрой рифме разгоралось пламя. Вначале оно было совсем крошечное, все-таки современные конструкции достаточно пожароустойчивы, да и систему защиты умного дома не так-то просто взломать.

Но потом оно разгорелось и охватило весь дом, не давая чудовищу, находящемуся внутри, ни малейшего шанса.

Глафира заправила под шапку выбившиеся тяжелые дреды и улыбнулась. У нее получилось! Все получилось! Впрочем, у нее всегда все получалось. Планета станет немного чище, и, возможно, чаши мирового баланса все-таки перевесят в сторону добра.

Тишину ночи и негромкий треск огня разрезал крик. Женский крик.

Улыбка замерла, и Глафира застыла. Обратилась в соляной столб. Даже сердце перестало стучать. В доме женщина? Нет, не может быть! Неужели после всего, что сегодня произошло, эта тварь еще и привела любовницу? Тут же застучало в висках: ну и что, пускай любовница, может быть, даже проститутка, все равно женщина не виновата и не должна пострадать!

Она сделала шаг вперед в безумной попытке все отменить, но тут же остановилась. Нет, она уже ничем не поможет. Нужно спасать живых, немедленно. В запасе мало времени.

В голове словно застучал секундомер. Развернувшись, Глафира побежала к выходу из небольшого парка, окружавшего особняк. Камер здесь не было, она точно знала. Она все ускоряла и ускоряла бег, зажав уши руками, стараясь не слышать крика горящего заживо ни в чем не повинного человека.

Выбежав за ограду, она припустила бегом вдоль по пустынной улице сонного Хайгейта. Планы меняются, они поедут все вместе в аэропорт прямо из больницы. Благо машину она оставила на больничном паркинге, а сюда добралась на общественном транспорте, чтобы не привлекать лишнего внимания. Сейчас ведь можно отследить вообще все, в том числе и передвижения машины. А ей лишние следы были ни к чему.

Перейдя на равномерный бег, она попыталась сконцентрироваться на порядке действий. Она доберется до больницы, заберет сестру, вместе они заедут к Луизе, заберут детей и поедут в аэропорт. Билеты, деньги, паспорта – все у нее, все готово к отлету в новую жизнь.

Глафира бежала по широким чистым улицам, стараясь держаться подальше от света фонарей. Из домов, словно горошины, посыпались обеспокоенные жители – женщины в шел-

ковых халатах, мужчины в элегантных пижамах. В этом районе мужчины никогда не ходили в растянутых футболках и семейных трусах, как там, куда им предстоит улететь.

Она силой заставила себя замедлить шаг. Все медленнее и медленнее, собрав всю силу воли, ценой запредельных усилий, стараясь держаться в тени и не привлекать внимания. Хорошо, что она додумалась надеть на голову шапку, дреды были здесь неуместны и непременно привлекли бы внимание.

– Где эти пожарные, когда они нужны? – возмущенно воскликнула ухоженная высокая женщина неопределенного возраста. В ушах сверкают бриллианты, но еще ярче горит жадное любопытство в глазах – надежда на жуткую трагедию.

– Это же дом Дорманов, если я не ошибаюсь? – поддержала беседу сухопарая старушка, одетая, несмотря на поздний час, в костюм и держащая на руках болонку.

– Надеюсь, миссис Дорман и детей нет в доме, – нахмурилась высокая женщина, и проходящей мимо девушке, чья голова была закрыта капюшоном, захотелось толкнуть ее, обозвать в лицо наглой обманщицей. Если бы хоть кому-нибудь из этих сочувствующих лицемеров на самом деле была небезразлична судьба миссис Дорман, они бы не допустили и половины той мерзости, что творил ее муж.

– О, – вместо ответа округло произнесла старушка и прижала к себе болонку, пряча лицо в мягкую шерсть. Девушку в капюшоне она не заметила, инстинктивно отметая все, что не принадлежало к их кругу.

Девушка тем временем тенью проскользнула мимо них, опустив голову как можно ниже. Вой сирен нарастал и становился нестерпимым, на улицы продолжали выплескиваться местные жители и прислуга. Всех их беспокоило лишь одно – не распространится ли огонь по их чудесному Хайгейту.

Спустя несколько минут она покинула район, битком набитый британскими снобами, и почти бегом ворвалась в Хэмстед-Хит, лесополосу, отделяющую Хайгейт от центра Лондона. Ее путь лежал в Паддингтон, в госпиталь Святой Марии, один из четырех основных центров травматологии Лондона.

Глафира набирала темп, пока не почувствовала, что еще немного – и воздух разорвет легкие. Она подумала, не взять ли ей такси, но тут же отмела эту мысль. Ей нужно успокоиться, прийти в себя. Чем меньше людей увидит ее в таком состоянии, тем лучше.

Она только что убила человека. Господи, нет. Она только что убила двоих людей. Как она дошла до такой жизни? Впрочем, ей всегда пророчили, что она плохо кончит, даже родители, от которых она сбежала в пятнадцать лет и с тех пор ни разу их не видела. Может быть, они были правы? Видели со стороны то, что было недоступно ей самой? И она действительно плохо кончит?

Не думать. Ни о чем не думать. Сейчас главное – забрать Натали и детей, сесть на самолет и раствориться в воздухе в прямом смысле этого слова.

* * *

Глафира быстрым шагом вошла в высокое здание, отделанное в лучших британских традициях: наводящий скуку темно-коричневый фасадный кирпич и убогие белые узоры. Впрочем, сейчас ей было не до архитектурных изысков. Девушка, по-прежнему не снимая с головы капюшон, направилась прямо к стойке рецепции, где объявила, что ей нужно срочно повидать миссис Дорман, поступившую в травматологическое отделение несколькими часами ранее.

Румяная, словно персик, молодая медсестра, сидящая за стойкой, вежливо объяснила, что в такое время посещения не предусмотрены, но она может проведать миссис Дорман уже следующим утром. А если у нее что-то срочное, то можно оставить сообщение.

Странная девушка в капюшоне лишь покачала головой, поблагодарила персика и, так же быстро покинув больницу, обошла ее с другой стороны. Схватившись за живот и немного согнув спину, она вошла в отделение «Скорой помощи», где тут же смешалась с толпой страждущих.

Это был филиал ада на земле. Отовсюду на нее чихали, кашляли, кого-то тошнило, а кто-то стонал так, что, казалось, еще несколько мгновений – и его душа отлетит в иной мир. Возможно, там несчастному будет действительно лучше. Два молодых чернокожих парня привели третьего, из чьего живота кровь капала прямо на пол, но никто не торопился ему помочь. Чопорная английская дама отводила глаза от неэстетичного зрелища и натужно кашляла в платок. Рядом с ней гомонило арабское семейство – мать держала на руках девочку, находившуюся в полузабытье, а отец пытался собрать воедино детей, расплзающихся по всему приемному покою. Все это действовало на и без того расшатанные нервы.

Прикрывая лицо рукой, Глафира сделала вид, будто идет к одному из туалетов, но на самом деле толкнула дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», находящуюся рядом с ним. За дверью скрывалась небольшая кладовка, где хранились предметы первой необходимости, а также одноразовые простыни, перчатки и одежда для пациентов.

Она схватила первую попавшуюся ночную рубашку и засунула ее под куртку. Выскользнув из кладовой, зашла в туалет, быстро переделалась в кабинке, сбросив джинсы и футболку и натянув на себя рубашку. Та была достаточно длинной, чтобы прикрыть татуировку на бедре. Роспись на руках закроет курткой.

Руки дрожали все сильнее, выдавая нервное напряжение, которое она пыталась скрыть от самой себя. В доме сгорели неизвестная женщина и Виктор. Эта тварь издевалась над Натальей не переставая. Избив жену и отправив ее в больницу, он в тот же вечер притащил в дом любовницу. Она обязательно расскажет об этом сестре... или лучше не говорить? Это ведь признание в убийстве невинного человека. Убийцей Виктора она себя не считала. Это была самооборона. Она должна была защитить сестру и ее детишек от дикого зверя, пока не стало слишком поздно.

Убеждая себя в правильности собственного поступка, Глафира натянула поверх ночной рубашки куртку, снова надела на голову капюшон, скрывая дреды, и выскользнула из туалета. Уверенным шагом направилась в крыло, предназначенное для пациентов. Поднялась на этаж травматологии, кивнула сидящей на вахте медсестре (к счастью, они сменялись слишком часто, чтобы помнить в лицо всех пациентов) и подошла к палате сестры.

Немного замешкалась перед тем, как толкнуть дверь. Надо вести себя осторожнее. Натали наверняка спит, и она может напугать ее. Глафира подняла руку, чтобы толкнуть дверь, и остановилась. Хотелось плакать, спрятаться за чью-то спину, отмотать все назад. Но она взяла себя в руки – рефлексией займется потом. Толкнула дверь и остановилась на пороге.

Она до конца жизни будет помнить каждую секунду этого страшного вечера. Вот она стоит на пороге палаты и тупо смотрит на пустую смятую постель. Делает шаг, толкает дверь в крошечный туалет с душем, уже зная, что не обнаружит там Натали. Словно в замедленной съемке бросается к встроенному шкафу, в котором хранятся вещи пациентов, открывает его, уже понимая, что не увидит там вещей сестры и ее сумки.

Натали сбежала из больницы, чтобы вернуться к нему. Болезненная страсть. Смертельная.

Глафира схватилась за железную спинку кровати, потянула ее на себя, обрушивая с грохотом поднос с едой, к которой Натали даже не притронулась, а дальше крик ужаса, пустота и провал.

Меньше часа тому назад она убила собственную сестру.

– Миссис Дорман, миссис Дорман, с вами все в порядке? – настойчивый оклик вырвал ее из спасительного забытья. Глафира с трудом открыла глаза и поняла, что лежит на полу,

а над ней склонилась одна из медсестер. – Миссис Дорман, позвольте, я помогу вам встать и позову доктора.

– Нет! – воскликнула она, снова закрывая глаза и пытаясь остановить кружение комнаты. – Я... я хотела выйти на улицу.

– Миссис Дорман, вам нельзя никуда выходить, я позову доктора, – снова настойчиво повторила девушка, помогая ей подняться и присесть на кровать.

– Нет, не надо, я в порядке, – настойчиво попросила она, прижимая руку ко лбу и проверяя, на месте ли капюшон.

Миссис Дорман. Она приняла ее за сестру.

– Мне просто надо немного полежать, спасибо вам...

– Хорошо, – неуверенно кивнула девушка, не привыкшая спорить с влиятельными пациентами госпиталя. – Если вдруг что-нибудь понадобится, нажмите вот на эту кнопку. – Она протянула ей пульт от кровати, в центре которого красовалась кнопка с изображением человечка.

– Хорошо, спасибо. – Глафира легла в кровать, не снимая шапки и куртки. Поймав на себе удивленный взгляд медсестры, пояснила: – Меня немного морозит.

– Это последствие травмы, – ласково улыбнулась девушка. – Если хотите, я могу дать вам снотворное и обезболивающее.

– Да, спасибо.

Медсестра была рада вернуться к привычным обязанностям, а Глафира откинулась на подушки и, закрыв глаза, прикусила кулак, стараясь сдержать крик. Она убила Натали. Она должна пойти в полицию и сдать ее. Немедленно. Если ей суждено провести свой век за решеткой, значит, так тому и быть. Она убийца, она лишила детей отца и матери.

Мысль о детях обожгла, словно хлыст, ее буквально подбросило на кровати. Дети, что теперь будет с детьми?

– Миссис Дорман, вы точно в порядке? – с беспокойством спросила медсестра, возвращаясь в палату и неся в руках небольшую таблетку.

– Да, мне просто нужно поспать. – Она натужно улыбнулась девушке, принимая из ее рук лекарство. – Если что, я позвоню.

Та, немного помешкав, кивнула и вышла из палаты.

Дети. Что с ними будет? Бабушке и дедушке со стороны матери они точно не нужны. Насколько она знала из рассказов сестры, отец давно спился, а мать пыталась устроить личную жизнь, меняя кавалеров как перчатки, причем каждый последующий вариант был хуже предыдущего. Да никто и не отдаст британских детишек российским маргиналам.

Бабушка и дед со стороны отца? Из горла помимо воли вырвался булькающий звук – нечто среднее между смехом и рыданием. Чопорные твари прекрасно знали о том, что вырастили сына-садиста. Наверное, поэтому они и не возражали против брака с Натали, понимая, что та ничто против всемогущего клана и ее можно держать на привязи посредством детей. Они, не раздумывая, сдадут всех четверых в интернат.

А что, если?...

Медсестра ведь приняла ее за Натали. Несмотря на разницу в год, они с сестрой были похожи, словно близнецы, в детстве их даже путали. Обе рыжеволосые, с темными глазами, светлой кожей и веснушками. Вот только характеры у них были диаметрально противоположные. Если Натали все сравнивали с ангелом, то ее, Глафиру, иначе как «дьявольским отродьем» никто не называл.

Выдать себя за Натали? Но ведь следователи все равно узнают, что та погибла в огне. По отпечаткам зубов, ДНК, мало ли у них методов. Но пока они это выяснят, у нее есть форы в несколько десятков часов. А что, если действовать быстро? Забрать детей и улететь на родину?

Нет, решительно невозможно! Она же чайлд-фри, убежденная противница браков и института семьи, ей хватило отношений родителей и Натали, чтобы решить для себя, что свой век она закончит в каком-нибудь доме престарелых или просто бросится с моста в воду, когда устанет. Она понятия не имеет, что делать с детьми. Да, она любит своих племянников, но видела она их несколько раз в год, и занималась ими мать, а не она. Она даже не знает, что эти дети едят. И вообще. Взять на себя такую ответственность?

Ей немедленно захотелось дать самой себе пощечину: ты, тварь, оставила детей сиротами и еще рассуждаешь о том, что они для тебя слишком большая ответственность? Если бы она могла, она бы сама себя взяла за шкирку и вытащила из этой постели. Она обязана сделать все, чтобы спасти их. И себя. От того, что ее отправят в тюрьму, никто не выиграет, а так у детей будет пусть небольшой, но шанс. Она поднимет их на ноги, выпустит в мир, а после этого хоть с моста, хоть в тюрьму.

Если, конечно, у нее получится осуществить задуманное. Ведь одно дело осуждать тупых героинь блокбастеров, убегающих от мафии или полиции и совершающих одну ошибку за другой, а совершенно другое – оказаться на их месте, не обладая ни одним полезным для побега навыком. Впрочем, дуракам частенько везет.

Она отбросила одеяло и, пошатываясь, направилась в ванную. Действуй, черт возьми, что тебе терять?

Вначале надо стать похожей на Натали – это единственный шанс вывезти детей из страны. Паспорт сестры был у нее в рюкзаке вместе с билетами. Они все решили, когда она везла Натали в больницу. Та клялась, что больше это не должно повториться, что в следующий раз Виктор просто убьет ее. И так чудо, что, упав с лестницы, она не сломала себе шею, а отделалась лишь переломом ребра, вывихом и синяками. Она отдала Глафире свой паспорт и банковскую карточку, попросив снять всю наличность со счета и купить билеты ей и детям. Они возвращаются в Россию и уже оттуда будут судиться за детей.

Глафира все сделала, как просила сестра, и пошла дальше. Она подожгла умный дом Виктора, предварительно взломав защиту и заблокировав его в нем. Ведь если что она в своей жизни и умела, так это обходить системы защиты и взламывать коды. Здесь все было довольно просто. Когда в доме начался пожар, все окна и двери умного дома автоматически заблокировались, а пожарная сигнализация не сработала. Напившийся по обыкновению Виктор узнал о пожаре слишком поздно. Если он вообще проснулся, когда дом объяло пламя.

За последние полгода Глафира трижды возила сестру в больницу, где та врала, что упала с лестницы, и каждый раз травмы были все серьезнее и серьезнее, но она каждый раз возвращалась к Виктору, прикрываясь детьми и невозможностью выбора. Вот она и решила забрать у Натали этот самый выбор. Взяла на себя роль Бога и была жестоко за это наказана.

А что, если Натали жива? Глафира схватилась за эту мысль, как утопающий за соломку. Ведь у нее были переломаны ребра, она плохо себя чувствовала, вряд ли она смогла бы быстро добраться до дома и войти в него. Что, если она только что убежала из больницы и вполне жива и относительно здорова?

Надежда снова вспыхнула – она набрала номер сестры и услышала знакомый сигнал, раздающийся из тумбочки: та оставила телефон. Зачем? Просто забыла в спешке? Или боялась звонков сестры?

Да, скорее всего, она жива и присоединится к ним в аэропорту, когда узнает, что дом сгорел. Когда на весах будут ее дети и муж-садист, конечно же, она выберет детей. По-другому не сможет. Она же любит их. Несмотря на то что по настоятельной просьбе Виктора отдавала их с младенчества на попечительство других людей – вначале нянь, затем специализированных школ, где дети жили все время, приезжая домой лишь на каникулы. «Здесь так принято», – слабо пыталась оправдаться Натали. «Ну да, ну да», – насмешливо кивала Глафира, не веря ни единому слову.

В крошечной ванной обнаружилась косметичка сестры. Глафира схватила ее и чуть не разрыдалась, ощутив чуть заметный знакомый запах духов Натали. Глубоко вдохнув, она посмотрела на себя в зеркало и, не давая себе времени на размышление, начала действовать. Достала небольшую сережку из носа, из правой брови и вытащила восемь сережек из ушей. Спрятала в карман. Интересно, настанет ли когда-нибудь день, когда она сможет снова их надеть?

Умыла лицо ледяной водой и густо намазала его тональным кремом, а затем подвела глаза так, как это всегда делала сестра. Руки дрожали, от чего подводка размазалась и Глафира стала похожа на заплаканную панду. Плевать.

Закончив с макияжем, она стащила с головы капюшон. Порывшись в косметичке, обнаружила маникюрные ножницы. Схватила один из дредов и попыталась обрезать его под корень, немного поранив кожу голову. Выругалась.

Маленькие ножницы плохо слушались, отказывались отрезать толстые пряди. Ей понадобилось около часа, чтобы от них избавиться. Остатки дредов она засунула во внутренний карман куртки. Выбросит их в другой стране, в этой нельзя оставлять никаких улик.

Снова натянув куртку с капюшоном, она вышла в коридор, сделала несколько шагов, повернула к лифту и наткнулась на врача:

– Миссис Дорман? Что вы здесь делаете? – строго спросила немолодая уставшая женщина. – Мне сообщили, что вы пытались покинуть палату, но в вашем состоянии нельзя этого делать!

В ответ Глафира зашлась в таком кашле, что даже выдавшая виды врач сделала несколько шагов назад. Она сдернула капюшон с головы, понимая, что выглядит устрашающе: на месте некогда стильной и роскошной шевелюры – проплешины и залысины.

– Док, сколько там той жизни, – пробасила она хриплым голосом, доставая из кармана сигареты и заговорщицки подмигивая врачу. – Без сигарет совсем худо.

– Доктора Мендес ждут в две тысячи восемнадцатой, доктора Мендес ждут в две тысячи восемнадцатой.

Женщина встрепелась, и Глафира мельком разглядела табличку на халате «Доктор Мендес».

– Курить можно только в специально отведенных местах, – вздохнула доктор и, бросив прощальный взгляд на странную пациентку, напоминавшую наркоманку из неблагополучного района, заторопилась на вызов.

– Ок, док. – Та отсалютовала ей сигаретой и заторопилась к выходу, выдыхая на ходу и стараясь не сорваться на бег.

* * *

– Вы понимаете, что если не расскажете всю правду добровольно, то вам предъявят обвинение в преступном сговоре с руководством компаний? – Двое мужчин в темных костюмах сидели напротив Эндрю, небрежно качающегося за стуле и с улыбкой смотрящего им прямо в глаза. Словно он не был задержан по подозрению в крупном финансовом мошенничестве, а пришел на мальчишник, где собирается отлично провести время в обществе старых друзей.

– Вы даже можете предъявить мне убийство Кеннеди, – пожал плечами молодой человек, нелепо смотрящийся в скучном и аскетичном кабинете ведомства. Невозможно было представить его одетым в строгий костюм и торгующим на бирже. Гораздо больше ему подходил антураж дискотеки где-нибудь на Ибице. Он идеально вписался бы в пенную вечеринку, бьющую по нервам музыку и наркотический угар. – Вопрос в том, сможете ли вы его доказать.

Эндрю широко улыбнулся, ничуть не смущенный суровыми взглядами мужчин, и выдул пузырь из жвачки. Мужчины переглянулись. Эндрю был готов поспорить на что угодно, что

им ужасно хотелось стереть наглую ухмылку с его лица и отобрать у него жвачку. Он надул еще один пузырь.

– Если вы пойдете на сделку со следствием, возможно, мы сможем что-нибудь сделать с вашим тюремным сроком, – совладав с собой, вкрадчиво пообещал один из его собеседников. Некрасивый, невысокого роста, но достаточно плотный. Больше похожий на вышибалу в клубе, чем на представителя национальной ассоциации брокеров-дилеров США.

– Какая сделка? – пожал плечами молодой человек по имени Эндрю Карлссон.

Если верить документам, он был американцем, родившимся где-то в Колорадо, но говорил с легким, едва слышным акцентом.

– Я прибыл к вам из будущего. У нас каждый школьник знает, что в ваше время на биржах творилось непонятно что. Архивы – вот где я получил всю информацию. Но лоханулся, признаюсь, вначале планировал играть долго и аккуратно. Но что-то пошло не так. – Эндрю снова улыбнулся так искренне и беззаботно, что его визави помимо воли почувствовали симпатию и расположение.

Они снова переглянулись.

– Из какого года, вы говорите, вы к нам прибыли? – поинтересовался второй мужчина. Высокий, плечистый, похожий на бывшего профессионального игрока в баскетбол и выглядящий значительно старше своего неказистого спутника.

Эндрю его одновременно и завораживал, и бесил. Он был похож на всех тех симпатичных пацанов, плакаты с которыми вешала на стены его дочь, недавно вступившая в подростковый период. Эти смазливые рожи таили в себе угрозу ему, отцу, сигнализируя о том, что вскоре такой соплик станет для его девочки дороже его и она упорхнет из дома. Время от времени ему хотелось сорвать все эти плакаты с аккуратно выкрашенных стен и сжечь в камине, но психотерапевт настоятельно советовала ему воздержаться. Лучше поддержать дочь во временном увлечении, чем продемонстрировать разницу поколений и то, что отец не разделяет ее взглядов. И за что он только платит этому терапевту такие деньги?

Ему хотелось покончить с этим как можно быстрее, но речь шла о трехсот пятидесяти миллионах, которые этот клоун выиграл на бирже за две недели. Мошенничество невиданного размаха. А в том, что это именно мошенничество, он не сомневался. За годы работы в комиссии по ценным бумагам и биржам чутье у него развилось как у собаки.

– Из две тысячи двести пятьдесят шестого, – снова широко улыбнулся Эндрю, и его собеседники замороженно уставились на него.

По большому счету, парня нельзя было назвать смазливый красавчиком, но обаяние и харизма просто зашкаливали. Легко было представить, как молоденькие дурочки, впрочем, как и искусственные женщины, падают к его ногам.

– И как там? – Первый мужчина с трудом боролся со все нарастающим желанием ткнуть наглеца мордой в стол.

– Ну ниче, – пожал плечами Эндрю и, качнувшись на стуле, чуть не упал.

– Выживут только тараканы вроде тебя? – светским тоном поинтересовался второй мужчина.

– Ну вы же не планируете оскорблениями вывести меня из себя, в самом деле? – засмеялся парень и лопнул пузырь прямо мужчине в лицо. Тот вскочил.

– Если ты не хочешь рассказать правду нам, то тебе придется пообщаться с нашими коллегами. Они менее лояльны, чем мы. И их бесят парни со жвачками.

– Больше коллег, хороших и разных, – одобрительно кивнул Эндрю и посмотрел на старика смеющимися глазами, – а то вы какие-то нудные, ребята. Кстати, о сделках. Давайте так: вы меня прямо сейчас отпустите, а я вам расскажу, где прячется Бен Ладен. Ах нет, простите, Бен Ладена вы уже укокошили, ну за кем вы там охотитесь? Или хотите рецепт лекарства от СПИДа?

- Я хочу, чтоб ты заткнулся и перестал паясничать! – не выдержав, заорал «охранник».
- Ну, как хотите, – пожал плечами Эндрю.

Переглянувшись, мужчины вышли из комнаты. Они отчаянно нуждались в кофе, перекуре и разговоре.

А когда они вернулись в кабинет полчаса спустя, Эндрю в нем уже не было. Он растворился в воздухе.

* * *

– Луиза, это я! – Глафира решительно постучала в дверь небольшого домика. До рассвета еще несколько часов, неудивительно, что добропорядочная Луиза спит крепким сном. На это и был весь расчет. Подслеповатая няня, разбуженная неожиданно среди ночи, была ее единственным алиби и шансом на спасение.

– Луиза... – Она снова поскреблась в дверь и, припав к ней ухом, услышала легкие шаги. Луиза, бессменная нянька детей Натали, спускалась со второго этажа по узкой лестнице, что вела к входной двери.

- Луиза! – снова прошептала она и надвинула капюшон как можно ниже на лоб.

Дверь распахнулась. Глафира стояла спиной к фонарю, поэтому не боялась, что старушка сможет рассмотреть ее во всех подробностях.

– Натали, милая, что с тобой? – ахнула Луиза, судорожно вглядываясь в размазанный макияж, смертельную бледность и резко похудевшее лицо давней знакомой, которая за долгие годы стала для нее кем-то вроде дочери.

Глафира поднесла палец к губам:

– Тише, я забираю детей и улетаю утренним рейсом. Так дальше не может продолжаться, Луиза, он избил меня так, что мне пришлось обратиться к больнице.

– Дорогая, не предпринимай скоропалительных решений, – менторским тоном бывшей учительницы (впрочем, бывшими они не бывают) начала Луиза. – Утром мы обратимся в полицию, напишем заявление, и его арестуют.

- Луиза, ты что, забыла, кто его отец? – Глафира не выдержала и рассмеялась.

- Что у тебя с голосом? – насторожилась нянька.

Глафира резко осеклась. Меньше слов – больше дела.

– Он пытался меня задушить, Луиза, прошу тебя, буди детей, мне нужно улететь как можно скорее. Я подожду.

Она отвернулась от слишком пристально разглядывающей ее няньки и направилась к минивэну, который взяла в аренду заранее – на нем они и собирались ехать в аэропорт все вместе, с детьми. А сейчас она поедет с ними сама. Желудок скрутило, и она еле успела добежать до дерева, стоящего посреди аккуратного соседского газона.

Ее все еще тошнило, когда Луиза вывела детей: Кейт, Дмитрия, Мэри и Энтони. Младшие спали, Дмитрий держал на руках малыша Энтони, а одиннадцатилетняя Кейт сжимала в руках сестренку.

Стараясь не смотреть на детей, она распахнула дверь машины и жестом приказала им садиться. Те повиновались. Настоящие английские дети, не привыкшие спорить со старшими. В полной тишине они устроились в машине, но в последний момент Дмитрий вспомнил, что они не взяли кресло и коляску Энтони.

– Ничего, – пробормотала она, мысленно обругав себя: как она потащит младенца? На себе? Ладно, главное добраться до аэропорта, а там что-нибудь придумает.

- Милая, дай же я тебя обниму на прощание, – залилась слезами верная Луиза.

– Я не прощаюсь, Луиза, лучше пожелай мне удачи. – Она ловко ушла от прощания, которое могло бы ее выдать. Открыла водительскую дверь и помахала няньке уже из салона. Та прижимала к глазам старомодный кружевной платочек.

Пристегнувшись, она нажала на газ, закрыла окно и ускорила, стараясь не смотреть в зеркало на все еще глядящую им вслед нахмурившуюся Луизу.

– Глафира, куда мы едем? – немного тягуче, с небольшим акцентом спросила Кейт.

– Мы едем домой, милая.

– К маме? – спросил Димитрий.

На глаза снова навернулись слезы. Черт.

– Мама... мама пока останется здесь, она приедет к нам попозже.

– А папа? – немного помолчав, поинтересовалась Кейт.

– Папа к нам не приедет никогда, – уверенно ответила ее тетка, сворачивая на шоссе, которое должно было вывести их к аэропорту. В этот час на улицах было пустынно, и она надеялась, что до аэропорта они доедут без приключений.

– Это хорошо, – кивнул Димитрий и, откинувшись на сиденье, закрыл глаза и тут же задремал.

* * *

Марка Чернова коллеги уже давно не называли по имени. Прозвище Ювелир закрепилось за ним с того самого дня, когда ему удалось раскрыть похищение картин из Музея Гарднер.

Дерзкое ограбление произошло еще в прошлом веке, когда два вора, переодетые полицейскими, явились в Музей Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне и похитили тринадцать произведений искусства общей стоимостью двести миллионов долларов. Среди самых известных работ числились три картины Рембрандта и одна Яна Вермеера.

Никто так и не понял, как Марк догадался. Возможно, виной тому была его фотографическая память, а может быть, и любовь к искусству и красивым вещам, которыми он старался себя окружать, но он помнил о старом преступлении, произошедшем на другом конце земного шара, которое так и не было раскрыто.

В доме убитого бизнесмена, чью смерть он расследовал, Марк узнал одну из картин. Она числилась среди украденных. Потянул веревочку, воспользовался обширнейшей сетью информаторов, надавил и раскрыл дело, благодаря чему его снова повысили. Он и до этого расследования стремительно делал карьеру (начальник столичного убийного отдела в тридцать пять – это не просто так), но теперь его перевели поближе к «самому» и сделали следователем по особо важным делам. «Ювелирная работа», – отметил «сам», вручая Марку государственную награду. С тех Марк и стал Ювелиром.

Сейчас он сидел напротив подозреваемого в убийстве по китайскому календарю. Какой-то псих накануне выборов совершил больше тридцати убийств. Следователи долго бились, пытаясь установить закономерность и разгадать криптограммы, которые убийца присылал на центральный канал после каждого убийства, но потерпели сокрушительное поражение. И тогда к делу подключили Ювелира.

Тот сразу увидел закономерность – даты рождения по китайскому календарю. Каждая новая жертва была ровно на год моложе предыдущей и убивалась с особой изощренностью, которая жутким образом соответствовала году рождения несчастного.

Например, появившийся на свет в год Белой Металлической Крысы был заточен в железную клетку и отдан на растерзание этим тварям. Последняя же жертва, обнаруженная всего пять дней назад, заставила побледнеть даже самого Ювелира. Младенец, рожденный в год Желтой Земляной Собаки, был живьем закопан в вольере с бультерьерами.

Когда на следующий день взяли подозреваемого, коллеги Ювелира хотели убить его прямо при задержании как оказавшего сопротивление. Хотя тот ничуть не сопротивлялся, наоборот, был рад, что его шикарный замысел оценили и в этом мире все же существуют люди, равные ему по интеллекту.

Артура Коновалова задержали в собственном автомобиле, припаркованном неподалеку от вольера с бультерьерами, который он сам и построил. Проблема была лишь в том, что следователи не смогли нарыть ни одного доказательства. ДНК в машине, в квартире и на вещах Коновалова не совпадало с ДНК ни одной из жертв.

Артур бросил настолько изящный вызов, что принять его мог только Ювелир.

Почти сорок восемь часов он провел, пытаясь разгадать криптограммы, которые псих отправлял на телевидение после каждого убийства.

Спустя сорок восемь часов он вошел в кабинет, где его поджидал Коновалов, который, судя по отеку на лице и заплавленному глазу, уже побывал в руках его коллег. Несмотря на это, он победоносно улыбался.

– Время истекает, шеф, – прошепелявил он, и Ювелир смог убедиться, что во рту у психопата не хватает нескольких зубов. Чуйка подсказывала Ювелиру, что эта тварь виновна. А также хитра и очень опасна. Его победа над ним была вдвойне приятна.

Ювелир сделал легкий знак рукой, сигнализирующий коллегам, что можно начинать запись. Он собирался позаботиться о том, чтобы несколько кадров попали на телевидение. Кресло под министром внутренних дел уже давно пошатывалось, пора было заменить его кем-то более эффективным.

Марк придвинул стул и, повернув его спинкой вперед, сел. Положил на стол перед собой лист бумаги.

– Что это? – поинтересовался Коновалов.

– Рассказ, – после небольшой паузы ответил Марк, не сводя с него взгляда. Тот моргнул и скосил глаза. Заинтересован.

– Паршивый рассказ, – добавил Марк.

Коновалов вздрогнул.

– Мало того, что он паршив, он еще и вторичен, это плагиат.

Улыбка сползла с лица твари.

– Зачем ты его принес? – бесцеремонно тыкнул он следователю.

– Затем, что я разгадал твои криптограммы, – пожал плечами Марк, – это строчки из этого рассказа. Он был опубликован на одном из сетевых ресурсов и подписан «Кок». Если я не ошибаюсь, в переводе с английского это означает Петух. А ты, Коновалов, родился в год Земляного Петуха по китайскому гороскопу. И воплотил в этом рассказе все свои большие фантазии. О том, что придет час и животные воздадут людям за то, что они их едят. Они выйдут из повиновения и сожрут людей, пустят их на гамбургеры и котлеты. Ты вегетарианец? – не меняя тембра голоса и темпа речи, спросил Ювелир.

– Да, – автоматически кивнул Коновалов и тут же прикусил язык. – Без адвоката я больше ничего не скажу.

– А и не надо, – широко улыбнулся Марк. – Мои ребята уже работают, спустя несколько часов у меня в руках будут доказательства, что это ты автор этого бреда. Сам написал, сам зашифровал, сам осуществил. И поверь, Коновалов, я лично позабочусь о том, чтобы тебя хорошо кормили на зоне, каждый день по несколько раз давали животные белки.

– Ты ничего не докажешь, кроме того, что это написал я! Может быть, кому-то так понравился мой рассказ, что он решил воплотить его в жизнь? – фыркнул подозреваемый. – Там были такие комментарии, между прочим. Да, я это написал и горжусь тем, что мои идеи дошли до людей!

– Рассказ твой говно, Коновалов, там тебе люди так и написали. И понравится он мог только такому тупому психопату, как ты, который даже даты рождения не в силах проверить.

– О чем ты? – насторожился Коновалов, улыбка сошла с его лица, и он стал похож на облезлую старую крысу.

– О том, что мужик, которого сожрали коты, родился не в год Кота, а в год Дракона. Так что кина не будет, последовательность нарушена, сценарий не воплощен в жизнь, все пропало, шеф. – Марк ухмыльнулся и подмигнул подозреваемому. – Обидно, правда?

– Ты врешь, сука! – Коновалов вскочил с места.

– Вовсе нет, мы проверили, ты ошибся.

– Нет, я не ошибся, я точно все проверил! – заорал Коновалов и кинулся на Марка, но не смог до него дотянуться.

Ювелир встал и направился к двери, зная, что его сотрудники, сидящие по ту сторону зеркала, пребывают в полном обалдении. Это было действительно тонко, почти на грани.

– Стой! – крикнул Коновалов, вскакивая, Марк уже взялся за ручку двери. – Стой!

Подумав, Марк обернулся, глядя куда-то в камеру, расположенную за зеркалом.

– Ты сказал, это плагиат. Кто еще писал это? Мне нужно знать! Ты ведь врешь, да? Я сам это придумал!

– Вовсе нет. – Марк не выдержал и улыбнулся. – Первым был Ричард Коннел, она написал рассказ «Самая опасная игра». Я пришлю тебе его в тюрьму. А кстати, комментарии поклонников ты тоже писал себе сам. Дурак ты, Коновалов.

Не говоря больше ни слова, Марк вышел из комнаты и наткнулся на министра. Тот, обычно спокойный и вальяжный, словно сытый кот, сейчас выглядел бледным и взволнованным.

– Ты его расколол? – в лоб спросил он Ювелира. Дышал тяжело, словно бежал.

– Да. И у меня есть доказательства, вечером отчет будет у вас на столе. Этот идиот сам описал все свои убийства в рассказе и вывалил его в сеть, думая, что в интернете существует анонимность, – спокойно ответил Ювелир и с интересом посмотрел на шефа. – Что-то случилось?

– Случилось, Марк. Один товарищ украл триста пятьдесят миллионов. Ну, как украл, выиграл на бирже. Но американские коллеги подозревают преступный сговор, ведущий в самые высокие эшелоны бизнеса.

– А при чем здесь мы? – не понял Ювелир.

– При том, что коллеги подозревают, что это наш соотечественник, утверждают, что тот говорит с русским акцентом.

– Допустим, но при чем тут я? – Ювелир в упор уставился на министра.

– При том, что ты работаешь с теми, кто обставляет свои преступления красиво. – Министр восстановил дыхание и так же пристально уставился на Марка.

Об амбициях последнего ему было хорошо известно. Тот спал и видел себя в министерском кресле. Министру же столь ретивые подчиненные были вовсе ни к чему, недавно молодая жена родила ему сына, и он собирался дать ему все самое лучшее, задержавшись на своем посту как можно дольше. Но, как говорится, держи друзей близко, а врагов еще ближе – вот девиз, который никогда его не подводил. Не подведет и сейчас.

– Что красивого в биржевом надувательстве? – немного раздраженно спросил Марк.

– То, что человек, его совершивший, по его словам, явился из будущего. Он исчез из кабинета, где его допрашивали, и провалился сквозь землю. Американские коллеги утверждают, что он воспользовался фальшивыми документами, а на самом деле он русский по имени Казимир Малевский.

Марк поморщился от подобного дурновкусия.

– Мы уже проверили. Такого человека в природе, по крайней мере в нашем времени, не существует. Я хочу, чтобы ты занялся этим делом, Марк. А этого любителя гороскопов я сам доведу до конца. – Министр широко улыбнулся Ювелиру и, махнув рукой, вошел в кабинет, где убийца пытался разбить себе голову об стену.

* * *

Чем больше Ювелир вчитывался в бумаги, которые ему передали американские коллеги, тем меньше ему нравилось это дело. Речь шла не о серийном убийце, террористе или просто психопате – эту публику он щелкал как орешки, возможно, потому, что легко мог поставить себя на их место. Речь шла о мошеннике экстра-класса, за которым наверняка стоит мощная структура. Иначе он не смог бы исчезнуть посреди белого дня из охраняемого помещения. Не смог бы за две недели сорвать триста пятьдесят миллионов на бирже и не смог бы провалиться сквозь землю.

В дверь постучали, Марк нехотя оторвал голову от бумаг.

– Войдите, – коротко приказал он. Настроение было препаршивым.

– Марк Александрович... – в кабинет заглянула стажер Нина, которую Марку настойчиво порекомендовал взять к себе в отдел сам министр. Баб в офисе Ювелир не выносил, верил, что они нарушают работу сплоченного мужского коллектива и вообще должны сидеть дома и нянчить детей. – Марк Александрович, все собрались и вас ждут, – настойчиво повторила Нина, глядя на шефа.

Тот и пугал, и завораживал одновременно. Был похож на оборотня, из тех, что в полночь обрастают волчьей шкурой и исчезают из дома, чтобы вернуться утром, пропахшим человеческой кровью и страхом. Черные глаза на бледном лице могли прожечь дыру в сердце, Нина уже лично в этом убедилась.

Ничего не ответив, Марк кивнул. Нина вышла и закрыла дверь за собой. Он откинулся на спинку кресла. Американские коллеги много работали, но малого достигли. Установили, что документы на имя Эндрю Карлссона фальшивы, такого человека с таким годом рождения и адресом просто не существует. Вскрыли несколько других личин мошенника и уперлись в этого самого Казимира.

И что ему с этим делать? Почему дело поручили именно ему? Потому что коллегам показалось, что у этого афериста русский акцент? Кто они там, в конце концов, филологи-лингвисты? Проследили цепочку фальшивых документов до Казимира Малевского? И на этом основании решили, что он русский? А если бы он назвал себя Сальвадором Далилом или Пабло Пикассинским – ринулись бы в Испанию? Марк чувствовал себя зверем, загнанным в клетку. А что, если министр специально подсунил ему это дело, чтобы обломать крылья? Макнуть носом в дерьмо, указать на его место?

Марк почувствовал, как кровь закипает от бешенства.

Он резко встал, стул откатился в угол. Мягкими, почти беззвучными шагами пересек пространство кабинета и толкнул дверь. Прошел по серому коридору, в котором не было окон, кивая знакомым и игнорируя приветствия от незнакомых. Толкнул дверь в кабинет для совещаний и тут же плотно закрыл ее за собой, включив красный свет, сигнализирующий всем остальным, что в кабинете проходит важное совещание.

Нина была на месте. Одетая в чулки и кожаный корсет, держала на коленях пухлую папку с документами.

– Документы в сторону, – расстегивая рубашку, коротко приказал Марк старшей дочери министра.

– Ты в порядке? – Та безропотно выполнила приказание и отложила папку. Хорошая фигура, ни грамма лишнего жира, наверное, торчит часами в спортзале и СПА. Ювелир поня-

тия не имел, чем любовница занимается за пределами ведомства. Впрочем, его никогда это и не интересовало.

– Твой отец хочет меня подставить. – Марк аккуратно сложил вещи на стул. Он ненавидел небрежность во всем, к тому же мягкая одежда могла дать повод для досужих сплетен.

– У него это получится? – Нина встала и, подойдя к Марку, положила руку ему на грудь. Он почувствовал сладковатый запах духов – надо будет сделать замечание, чтобы на работу не обливалась парфюмами.

– Конечно нет, – подкачал головой Марк, – это еще никому не удавалось.

* * *

Татьяна сидела в углу старой автобусной остановки и плакала, натянув поглубже капюшон пальто из мягкой серой шерсти, которое Эдуард заказал ей из самой Италии, стоило ей упомянуть, что оно ей понравилось.

– Единственный выход – это донорская сперма, – так сказал доктор, разведя руками после того, как ни один из эмбрионов не выжил на пятый день. Их четвертая попытка. Деньги, нервы, гормоны, истерики, подорванное здоровье и семейное благополучие.

Эдуард был на высоте. Благородный рыцарь, он сразу предложил ей развестись, чтобы не губить ее молодую жизнь. Еще есть время, она еще встретит достойного мужчину и сможет родить ему ребенка. Или двух.

Это звучало как издевательство. Он же знал, что она никогда не встретит никого, кого можно будет даже сравнить с ним. С его бережным отношением, зрелой любовью, готовностью принять ее такой, какая она есть. Со всеми изъянами, трещинами и впадинами. Развестись с ним – невысказано!

Она возлагала огромные надежды на ЭКО, ведь оно помогает даже в самых безнадежных случаях. Они сменили две клиники, но везде доктора лишь разводили руками – необратимые последствия травмы. Увы.

Может быть, им усыновить ребенка? Она тут же отвергла эту мысль – нет, она никогда не сможет полюбить чужого как своего собственного. У нее не хватит широты души.

Она снова тихонько заплакала: откуда такая вселенская несправедливость? Банальные вопросы сотнями лезли в голову: почему рожают алкоголики, наркоманы, сумасшедшие? Все те, кто издевается над своими детьми, продает их, кидает на произвол судьбы? И почему не может родить она? О, сколько бы они могли дать своему малышу!

Она надвинула капюшон поглубже и заскулила, как раненый зверек. Она сама не знала, сколько просидела на этой остановке. Зачем она вообще сюда приехала? Хотела вернуться в школу и как следует выплакаться в кабинете подальше от досужих глаз? Домой идти в таком виде точно нельзя, это расстроит Эдуарда.

Мысли заглушил грохот старого желтого автобуса, единственного, который ездил в Приусадебный. Татьяна выпрямилась и собиралась было встать, когда заметила на автобусе табличку «В депо». Ну что ж, все закономерно, все один к одному, придется проторчать здесь еще час, пока придет следующий.

Автобус выплюнул из себя колоритную группу – мать и четверых детей. Дети вышли молча, держась за руки и боязливо прижимаясь друг к другу, зато мать с лихвой компенсировала отсутствие детского шума. Она самозабвенно ругалась с водителем и не гнушалась крепкого слова:

– Почему ты сразу не сказал, что в депо едешь? Я бы такси взяла! – орала покрасневшая худенькая женщина, похожая на повзрослевшего гота или панка. Тощая, с очень странной прической – как будто волосы у нее выпадали клочьями. Наверняка наркоманка. Вон, все руки в татуировках, чтобы скрыть следы от уколов.

– Тебя забыл спросить, – огрызнулся водитель, грузный дядечка средних лет, работающий на этом маршруте, сколько Татьяна помнила.

– Так спросил бы умного человека, может, че дельное посоветовала, – не осталась в долгу девица, выволакивая из автобуса огромный чемодан. Дети, словно маленькие птенцы, сбились в стаю под крышей старой остановки в тщетной попытке спрятаться от начинающего накрапывать дождя. Маленькая девочка раскапризничалась и не поддавалась на уговоры старшей вести себя тише, а младший так и вовсе включил сирену.

– Была бы умная, четверых не плодила бы в нищету! – гаркнул дядька и закрыл дверь прямо под носом у девицы. Завел двигатель и, обдав ее зловонным дымом и пылью, поспешил в депо.

– Сволочь! Тварь, – заорала наркоманка и, подобрав с земли небольшой булыжник, бросила автобусу вслед.

– Как вы при детях выражаетесь! – возмутилась Татьяна. Не успела она подумать о несправедливости окружающего мира, как вселенная явила ей доказательство, словно бы в насмешку. Зачем этой наркоманке дети? Ну зачем?

– Еще одна умная нашлась, – рявкнула девица, резко разворачиваясь и в упор глядя на Татьяну. Но та спрятала лицо в складках широкого капюшона, и рассмотреть ее было практически невозможно.

– Глафира, Тони хочет есть, – робко сказала старшая девочка, и Татьяна снова удивилась: этой чушке имя Глафира совершенно не подходило. Еще одна несправедливость. Ее назвали Таней – сколько в мире Татьян? Вагон и тележка? Ничем не примечательное имя, а она всю жизнь мечтала зваться более звучно. Зачем наркоманке красивое имя Глафира?

– Я же просила не называть меня Глафирой, – рявкнула та на дочь.

– Почему? – спросил мальчик постарше.

– Потому что я так сказала, – огрызнулась наркоманка. – Почему они плачут? – Она кивнула на младших.

– Потому что они хотят есть, а Тони мокрый, его надо поменять, – вздохнула девочка.

– Посмотри, в рюкзаке должны быть чипсы, – приказала мать старшему мальчику. Тот стоял словно оглушенный, не понимая, что обращаются к нему.

– Эй, я к тебе обращаюсь, – потормошила его мать.

– А? – Мальчик тряхнул головой. – Чипсы им нельзя. – Он покачал головой.

– А что можно? – удивилась женщина, и Татьяна, не выдержав, снова встряла в разговор.

В любой другой ситуации она бы промолчала, возможно, даже просто ушла бы с остановки, чтобы дожидаться автобуса в тишине и одиночестве. Она боялась выделяться, всю жизнь была такой же непримечательной, как ее имя. Но сегодня обстоятельства изменились. Ей надо было излить горечь. Незнакомая наркоманка подходила для этой цели как нельзя лучше.

– Зачем было четверых рожать, если даже не знаешь, чем их кормить? – даже не пытаясь скрыть злобу в голосе, спросила Татьяна.

– Откуда вы только беретесь такие умные? – Наркоманка закатила глаза и снова повернулась к Татьяне. – Своей жизни нет, чужой интересуюсь?

– Мне детей жалко, – неизвестно зачем попыталась оправдаться Татьяна.

– Своими займись, – отрезала наркоманка и натянула на татуировки задранные рукава клетчатой рубашки. Только начало сентября, но к вечеру на улицы уже опускалась прохлада.

– У меня нет детей, – выдавила из себя Татьяна и снова зарыдала.

Девица сморщилась от громкого вопля младшего сына, нервным жестом забрала его из рук старшей дочери и прижала к себе в неловкой попытке укачать.

– Знаешь, – обратилась она к Татьяне, окончательно утонувшей в капюшоне, – иногда это не так уж и плохо.

И обернувшись к растерянным детям, скомандовала:

– По коням, пойдем пешком, а ты не плачь, – прикрикнула она на малыша, – сейчас дойдем до магазина, куплю тебе памперсы и поесть.

Вскоре странная группа скрылась в пелене дождя, а Татьяна зарыдала с новой силой. Никому и никогда в жизни она не завидовала так отчаянно, как этой облезлой наркоманке.

* * *

На место они добрались глубокой ночью. Больше суток без сна, дети отключились еще в такси, которое удалось отыскать в поселке и которое согласилось довезти их до Приусадебного. Еще одной поездки в автобусе с выводком она бы не выдержала. К тому же это было опасно. Они себя не контролировали, в разговоре переключались на английский, постоянно называли друг друга английскими именами, а к ней обращались «Глафира».

Надо будет посидеть в глуши, дать детям время переварить изменения в жизни, привыкнуть к новым именам, а затем набраться смелости и все им рассказать.

Идея поехать в село к бабушке и поселиться в ее доме пришла спонтанно. Вначале она хотела затеряться в большом городе, но потом подумала, что там не получится избежать вопросов. Они обязательно привлекут внимание. В селе это тоже неизбежно, вот только слухи вряд ли смогут далеко расползтись. А еще здесь, в отличие от города, можно жить без интернета. Кейт и Димитрий отлично ориентируются в сети, нужно во что бы то ни стало помешать им прочитать новости и сделать собственные выводы.

Ей придется держать детей постоянно занятыми, чтобы у них не было ни времени, ни сил, ни желания обзавестись интернетом. И, естественно, договориться о домашнем обучении. Как она будет их обучать, она с трудом представляла, но надеялась, что, даже если год Кейт и Димитрий проболтаются без школы, ничего страшного не произойдет. В любом случае в том частном британском пансионе, в котором они проводили большую часть времени, им наверняка дали задел на будущее.

Спрятаться, залечь на дно, как дикие звери, на которых открыли охоту. Она не была уверена, сработает ли ее план, удалось ли ей обмануть британскую полицию и выдать себя за другого человека. Но даже если и нет, то здесь их не найдут.

Свою сим-карту вместе с банковской картой она разрезала на части и смыла в унитаз в аэропорту. Ни одним из своих электронных адресов она уже никогда не сможет воспользоваться, чтобы не привлекать внимание. Впрочем, как и счетами. Глафира чертыхнулась: заработанных сумм было жаль, но себя было жаль еще больше. Наличности, которую сняла со счета Натали, им хватит на некоторое время, а дальше она что-нибудь придумает.

– Приехали, – тихонько сказал шофер, тормозя у покосившейся развалюхи.

Глафира глубоко вдохнула. Может быть, им надо было поехать в другое место? Но куда? Снять или купить дом означало бы засветить документы. «Соберись, тряпка», – приказала себе Глафира, протягивая водителю купюру.

– Сдачи не надо, подождите, пожалуйста, я затащу сумки в дом, а потом заберу детей, – так же тихо попросила она.

– Давай помогу, – предложил любезный водитель, вылезая из салона вслед за Глафирой.

– Беда какая-то случилась? – Он пристально посмотрел на худенькую девушку, вытаскивающую из багажника огромный чемодан.

Та кивнула вместо ответа и заторопилась к дому. Водитель достал два увесистых рюкзака, которые тащили на себе дети, и направился вслед за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.